

- Ein ganz aktuelles Stück ..." Müller in dem Film "Lieb' Ge-
org", den das DDR-Fernsehen am 15.11.1988 sendete.
7. Henri Potchmann, Bürgerliche Freiheitsideologie und soziale
Determinatio. Zur materialistischen Fundierung der Dramatur-
gie Buchners. In: Streitpunkt Vormärz, Berlin 1977, S.231.
8. Szene 14 "Mittwee" läßt den Schluß zu, daß der Tambourmajor
seine überlegene Manneskraft und seine höhere militärische
(d.h. soziale) Stellung gegen Woyzack einsetzt.
Im "Woyzack"-Film der DEFA von 1947 war der Tambourmajor
übrigens als ein Woyzack traktierender Militärarzt angelegt.
9. Fritz Erpenbeck, 12 Stücke auf 12 Bühnen - Kritischer Streit-
zug durch die dreißigjährige Theaterchau. In: Theater der Zeit,
6/1947, S.4. Alle folgenden Zitate finden sich auf derselben
Seite.

Левек Микрут

Исторические этюды Григория Данилевского

Имя сегодня забытого, но талантливое и в прошлом очень по-
пулярного русского писателя 11-ой половины XIX века - Григория
Петровича Данилевского /1829-1890/, становится для современно-
го читателя все больше известным. Его внимание сосредоточива-
ется на бытовых романах /Летние в Новороссии, Болы, Новые мес-
се, Летний вал/, а также на произведенийных повестях, посвящен-
ных исторической тематике /Миронку, Союзенная Лосква, Книжна
Параканова, Черный год/.

Первые шаги на литературном поприще Данилевски делал как
поэт: писал стихи, переводил зарубежных авторов, сочинил сти-
хотворные сказки, поэмы. Хотя работа над этими жанрами была
лишь малым эпизодом в творчестве будущего автора /Ирвиниче, но
она все-таки свидетельствует об интересе молодого литератора
прежде всего к бытовой тематике, а это является доказатель-
ством свободомыслия взглядов будущего писателя, указывает на
литературу, которую он считал для себя образцом.

Первый период творчества Данилевского - это также начало
более позднего интереса писателя к историческим вопросам. Ре-
шителный поворот автора к проблематике прошлых времен осуще-
стился только в 1875 году и связан с появлением известного ро-
мана /Ирвинич, действие которого разворачивается на фоне тын-
станских событий времен правления Екатерины II. Однако уже в
середине 50-х годов Данилевский написал первые исторические
рассказы: Первый выстрел сокола I /1856/, Вечер в тереме Алек-
сен Ажхайповича /1856/ и Екатерина Великая на Днепре /1858/.

Нет ничего удивительного в том, что молодой автор заинтере-

сованы прошлыми. Еще великий критик Эдмонд Беллинский писал: "Эк наш - по преимуществу, исторический век. Историческое сознание неотчужденно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственными критерием всякого живого знания; без нее стало невозможным постижение ни искусства, ни философии. Мало того: само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим..."²

Обращаясь к исторической тематике, Данилевский черпал вдохновение из богатых достижений отечественной беллетристики в этой области, не забывая о исторической прозе Вальтера Скотта, которая оказала огромное влияние на развитие исторического романа в 1-ой половине XIX века. Опираясь на художественные достижения шотландского писателя, развивались в 30-ые годы три главных направления русского исторического романа³: дьякичское [Иван Запорокин /1789-1852/, Фаддей Булгарин /1789 - 1859/], романтическое [Иван Лажечников /1792-1869/, Николай Полевой /1796-1846/], реалистическое /Александр Пушкин, Михаил Гоголь/. Интерес к ягору всегда определялся определенными событиями в истории народа /напр., война 1812 года/⁴. Эпоха гражданских пережен /крымская война, крестьянская реформа/ также стимулировала интерес автора Слобожан к страницам прошлого.

Елецкий прозаик Илон Жейтвангер⁵ писал, что автора, целью которого является возрождение прошлого, можно сжиком опровергательно обвинить в бегстве от современной проблематики, однако, исторические беллетристики выражают в собственных сочинениях свою эпоху, ее идеи и реалистичны. Реальные черты истории, стремясь добиться лучшей перспективы. Реальные черты исторической эпохи - это только средства стилизации, способ создания климата действительности. Историческая беллетристика наглядно показывает неразрывную связь времен, поколений, расширяет горизонты, стремится к полному синтезу эпохи, является выражением сознания народа, направленного определить свою позицию в истории⁶.

Художественный мир в прозаических, посвященных исторической тематике, приращивается к эпохе, которую как автор, так и читатели относят к точно очерченному периоду прошлого. Создавая, как правило, стремясь соблюдать историческую правду, передавать характерные данному статусу развития человечества

сознания и проблемы⁷. Изабраженный Данилевский в рассматриваемых нами рассказах мир представлял как беллетристическое воссоздание прошлого, не выходя за пределы истории России XVIII - XIX веков и касаясь событий времен царствования Алексея Михайловича и Екатерины II. Эти произведения возникли в период кризиса жанра, переживавшего проникновение в его ткань социально-политического содержания и сложного использования традиционного исторического материала связанная судьба "обширного" героя с историческими событиями⁸.

Колодой Данилевский, не обладая еще большим опытом в области исторической прозы, не преодолел отрицательных тенденций литературной эпохи, в которой создавал свои произведения. Это герои /в большинстве реальные исторические деятели/ воспринимаются как лишние жжани фигуры, передвигаемые элгозом на шапчатой доске отечественной истории. Писатель сжиком тшатственно придергивался подлинным фактам, в результате чего спок "созданного мира" в его прозаических бжт в значительной степени ограничен и накландывается на спок "воссозданного мира"⁹. Автор отказывался от более широких художественных обобщений, ограничиваясь прежде всего исторической правдой. Он очень осторожно основывал повествование на фактах, которые были подом его фантасма. Такой подход к понятию жанра надо бж считать устаревшим, так как вед у каждого романиста есть право к самостоятельным творческим поискам и не всегда должен он следовать за историком. Сажое важное заключается в том, чтобы факты, установленные учеными, а также созданные художником слова, не исклнчали друг друга. Вымысел должен бжт правдоподобен до такой степени, чтобы читатель одновременно и верил в него, и знал, что это фантасма. В этом контексте: судьям созданных беллетристических персонажей не могут основываться на содержании документов, так как это было бж чрезвычайно обжкном читателя IO. Несмотря на эту некоторые недостатки рассказов Данилевского остаются верными формы исторической прозы, установленной реалистом XIX века, создателем всеведущего повествователя и четко обозначенный сюжет, является отращением слова Велижского, который утверждал, что задача историка заключается в том, чтобы передать то, что произошло, а роль художника концентрируется на описании, какими образом это осуществилось II. Следовательно, писатель дополняет те факты, о которых молчали документы.

Главными героями рассматриваемых нами рассказов Данилевского-

то являются реальные исторические лица. Это царь Алексей Михайлович /Первый/ выпуск сокола. Вечер в тереме Алексея Михайловича /12. Автор стремился доказать правдивость тезиса о необходимости доброты, великодушия и справедливости русских воеводцев на протяжении минувших времен. Ответственность за неудачи в их деятельности беллетрист возлагает на плохих советчиков, стараясь подчеркнуть заинтересованность монархов своим народом, а также, в свою очередь, благодушие и любовь подданных к царствующим лицам. Таким образом писатель стремился к тому, чтобы современное ему русское общество соотранжило и в дальнейшем оказывало похвалу царю, верило, что монарх печется о благе всего народа. Но в эпоху возмужавшего всеобщего народа воля была эта идея носила консервативный характер.

Еи в одном из этих трех произведений автор не показывал важных исторических событий, ограничиваясь закулисной стороной частной жизни царей. Принадлежные факты имели, однако, соответствие в исторических документах и поза литературного вымысла не была чрезмерной, ибо писатель весьма заботился о достоверности изобразленного. Хотя это не позволяло ему обойти вопрос о бунтах в городах, о крестьянской войне, названной полнотной /увлечения феодално-абсолютистской системы царя Алексея Михайловича, не упомянул также о усмищении при Екатерине II гнет крестьян и порабощенных нерусских народов, о жестокослепых илгератрице и ее распушенной личной жани 13.

Рассказ Первый выпуск сокола и Вечер в тереме объединяет лицо главного героя - царя. Действие первого из них разворачивается в 1647 году, а второго - 20 лет спустя. Поэтому читатель имел возможность идентифицировать личность 18-летнего юноши и опущного уже монарха. Но этот прием был основан на трех мало известных эпизодах из его жизни. Первый выпуск показывает два из них - более ранний, происходивший весной и посвященный интересному приключению царя, когда Алексей Михайлович был очарован красотою случайного встреченной им боярышни - Афиимы Всеволожской. Более поздний эпизод - зиний - показал закулисную сторону царской свадьбы: приглашение в Москву двужак де-вухек из знатных родов и связанную с выбором царской жани историю Бориса Морозова 14. Третий эпизод /Вечер в тереме/ рисует 38-летнего повелителя, слушающего рассказы странствующего гуслира в одной из своих комнат в присутствии членоз семьи,

заграничных дипломатов и придворных кругов. Итак, первый рассказ показывает царя еще молодым, беззаботным юношей, страстно увлекающимся охотой с соколами:

"Посланный полехал /.../ и поднес царю вновь обученного сокола. Царь взглянул на птицу, и охотничье сердце его запрело. Такой красоти он еще и не видал... /.../ - 'Борца птица! Как-то ловит? - сказал, осмотрев сокола с полными выкинем центогля и анатока" /Первый выпуск, XIII, 25/.

Монарху не было чуждо также чувство любви, он подпадался давлению сердца. На этот раз, однако, автор справедливо заметил, что решение такого важного вопроса, какими является выбор царской жани, зависело не от юного Алексея Михайловича, а от тех, которые фактически от его имени правили государством. Этой обман термашето влияние и до сих пор утверждавшегося в своих руках бразды правления боярина Морозова лжи царя его избранными в ползуу женижи, избранной капнатами. Таким образом писатель подчеркнул степень зависимости монарха от ближайшего окружения, а также факт, что нельзя возлагать на него полную ответственность за все решения правительств. Этии салии автор подчеркнул свою мысль о приподнятости царя, его зависимости от придворных кругов, а также о ограниченной моральной и политической ответственности за свои решения и поступки.

Данииевский старался доказать, что монарх в особях случаях считался с мнением народа. Этот тезис подчеркивает следующие слова:

"Только не в прок пошла бичаость к царю его бывшето дядьки. Вском Москва взотновалась. Траждане, покоростуя великому царю и без ваяок стон у Кремля, требовали выдачи головом изменника, рабителя и козастолобца, боярина Бориса Ивановича Морозова. Он был удален /Первый выпуск, XIII, 38/.

Каждось бы, что в салон деле царь выполнил волю своего народа. Автор не нарушил историческую правду, так как Морозов фактически был принужден уехать из столицы, однако, писатель не констатировал, что это была выжившая сылка, из которой обвинений в злоупотреблениях боярин, с согласия царя, скоро вернулось не только в Москву, но стал также выполнять прежние задачи функции 15. Доброго монарха подчеркивает окончанием произведения. Много лет спустя, узнав о фактической ваяности первой избранницы своего сердца, царь велел щедро вознаграждать всю семью Всеволожских.

Эту склонность Алексея Михайловича делать добро, руководствоваться в своем поведении добродетельностью по отношению к окружающим, мягкость и благородство автор еще раз отметил в рассказе Девер в тереме. Сделал это опосредованно, устами нахо- дящихся в тереме иностранных дипломатов:

"Иностранцы отписывали на родину /.../ и выказали щедрость и общедоступность царя. /.../ заборские гости возвращались до- кой, не называясь царскими ласками и царскими угощениями" /Ве- чер в тереме, XVII, 37, 40/.

Писатель ввел в произведение персонаж предостерегает просто- го народа с целью подчеркнуть достоверность вышеизложенных слов. Это был странствующий гусляр, мнение которого о царе соотноси- лось со взглядам иностранных гостей:

"Жного там у нас, по заволам да раздолбам, гудочников да песенников. Колодно жить, и лямками все перекоже. Ну, да ве- сено жить, и милость твоею сны и вкорымени! /.../ Довольны мы твоим государском милостью. И вгущам и правнучкам о ней ска- жем" /Вечер в тереме, XVIII, 43, 50/.

Стоит же мысль руководствоваться Данилевский также в раска- зе Давлетина Зеннера. Автор предчувствовал, что многие похвали поведение императрицы, провозглашаемые приговорными кругами, мо- гли бы не выдать позеризм чтевателей, поэтому в содержании произведения он поместил эпизод, в котором царица выступила в роли благотворительницы ввуча простого трактирщика. По ее при- казу заплатили все долги вноси и дали ему значительную сумму денег, за которые он организовал свою свадьбу. Доброту Екате- рины II подчеркнул также другой эпизод - с Ерозяковскими, ко- торый с ее помощью окончил академик Худометов, став впослед- ствии признанным мастером кисти 16.

Царь Алексей выступил также в роли справедливового монарха, заботящегося о соблюдении законности в своей стране. Ежедневно вечером он лично расследовал прошлые жалобных его помощ и лю- дей разных сословий. Их друг был чрезвычайно широк: от супру- жеской неверности и обидного поведения до злоупотреблений го- сударственных чиновников. Читали кашку жалобу, в авторитетно высказывались царь защищал бедных, обиженных и пострадавших, строго наказывал виновников. Он настолько верил в любовь свое- го народа, что даже не прикинул во внимание беглых, по его мнению, доносов с угрозами по адресу монарха. В этом эпизоде, как и в предыдущих, автор также слустил краски. Удивляет не

только факт, что царь лично расследовал жалобы, которые мог подавать любой гражданин, но беглецист прежде всего забыл о всеобщей еще тогда в России безграмотности. А эта черта харак- теризовала не только более низкие социальные слои.

Нельзя разумеется, отодвигать эти события ни с любовью русских монархов к простому народу, ни с присутствием его представителей на страницах рассказов Данилевского. Эти корот- кие эпизоды не показывают широкой пафосами самой низкой общес- твенной среды, не отражают действитель в ней силы. Они обознача- ют только присутствие народа, его легковере и подчеркивают симпатии, с которой он относился к своим повителям.

Показанные Данилевским главные герои - это монархи просве- денные, разумные и предусмотрительные. Царь Алексей, которого назвали "царем-соколом", проводили, по мнению автора, дальновид- ную международную политику. Он стремился к сохранению хороших отношений с другими дворами, приглашал в Россию иностранцев, как дипломатов, так и артистов, развивал торговлю с Западом. В глазах писателя был он также первым ценителем театра:

"Царь уже не в первый раз говорил с голландским послом. Он говорил с ним о торговле и о чужих странах, о науке и о мор- ском деле; /.../ говорил, что намерен улучшить у себя воинское и судное дело; /.../ спрашивал /.../, как бы ему завести нас- тощий театр, с комедиянтами, такой, как, по слухам, заведен у польского короля" /Вечер в тереме, XVIII, 42/.

Данилевский не хотел, чтобы интерес царя к заграничные ассо- цировался с его презрением к своей стране, и поэтому прозвлек представлял монарха страстным любителем отечественной истории, который с большим вниманием и гордостью слушал рассказ гусляра о киевском князе Владимире Великом и его победах над печенега- ми.

Очень похлнительно была также изобразена Екатерина II во время ее неколжкомесячного путешествия в 1787 году на Украину. Автор хвалил свои героини не только за то, что она обладала таким чутким как и царь Алексей Михайлович, но обратил так- же внимание на ее литературные увлечения. В произведении шти- руются составляющие ее ежедневно строфы и упоминается факт, что "приборные сторули нетерпеливом услышать новое произведе- ние царственого автора. Эпоследствия откликнов, что это была копическая омера Храбрый и смелый витязь Архипевич, игравшая потом в Петербурге" /Екатерина Великая, XVII, 9/.

"Семирамида Везера" вена оживленную переписку со многими европейскими королями, государственным деятелями, литераторами, философами, что позволило ей приобрести, как заметил писатель, необыкновенное уважение не только в своей стране. В расказе свидетельствуют об этом встречи царя с польскими королем и австрийским императором, которые специально с этой целью приехали на Украину. Екатерина II, подобно тому как и царь Алексей Михайлович, также заботилась о хорошей памяти о своих предшественниках на русском престоле. Особенным уважением в ее глазах пользовался Петр I и что это ясно почтуть, царца во время своего путешествия организовала под Полтавой большую военную инсценировку памятной битвы 1709 года. Окружало монархиню всеобщее уважение, все хвалили каждое ее решение, восхищались ею. Поэтому Екатерина II могла заметить:

".../ я теперь с немалым утешением ежедневно ложусь спать, зная своики грезам, что я не причинила вреда, но принесла и принесу величайшую пользу своей империи..."/ Екатерина Великая, VIII, 13/.

Отрицательные черты правления монархов не были в поле зрения Данилевского. Это герои - это лица безупречные, которые, однако, не выказали к себе хорошего отношения, так как читатель связывал их с реальными прототипами, и поэтому не мог рассчитывать с оценкой романиста. Создалась впечатление, что свой тезис о доблоте русских царей и их большой любви к народу автор старался реализовать любой ценой. Подписывая не вынала у него даже известная инситуация Григория Потемкина, вошедшая в историю как "потомкинский деревни":

"Дереве двором были построены для ее ночлега. Целые леса были сожжены на освещенные пути для ее кареты. .../ Подлиннее кабушки были снесены, а на место их построены новые, с "веселыми перолекциями" и "романическими перестилками". Все-где возведены грандиозные ворота с алтарями и стиколоворными надписями. На отдаленные поля сотнаны огромные стада овец и табун лошадей. .../ Да не было вовсе деревень, блин нарисованы их красивые декорации .../. Царца остановился на ночлег, а той порой декорации содерут и перевазут далее" /Екатерина Великая, VIII, 6/.

Такое, во всех отношениях заслуживающее порицания поведение царского фаворита, вместо отрицательной оценки со стороны автора писателя оправдал обычными аплохи:

"Приятные каменные обнаны были во вкусе века. О них, быть может, под рукой и знали, но они отрядно шекотали салонные" /Екатерина Великая, VIII, 6/.

Все перво- и второстепенные герои расмаргиваемых нами расказов - это подлинные исторические лица. Кроме уже упомянутых, выступают еще представлятель рода Хомяковых /Первый выпуск/, Артамон Давыев /Вечер в тереме/, Иван Бувалов, Александр Баборошко, Петр Фролкин, Петр Румянцева, император Коциб II 17. Вымышленные персонажи находятся на втором плане и не оказывают влияния на развитие событий. В этой роли выступают соколники, сопровождавшие царя Алексея Михайловича во время охоты, служанка в доме боярина Боеволжского /Первый выпуск/, зарпанкиные дипломаты, странствующий гусляр /Вечер в тереме/, именован на улицах украинского городка /Екатерина Великая/. Таким образом, эти первые опыты Данилевского на поприще исторической беллетристики не совпали с вальтерскоготовскими образцом, предусматривавшим наличие вымышленных персонажей в качестве главных героев, а также попытку втянуть их судьбы в общий поток важных исторических событий 18.

Следовательно, очень легко найти причину, которая склонила Данилевского заняться тематикой прошлого. Используя интерес читателей к исторической прозе, автор хотел этим путем вернуть свою убежденность в доблоте и честности русских монархов, что накануне подготовиваемой президентством крестьянской реформы должно было повысить популярность идущих сверху предложений. Эта концепция, конечно, ни в какой мере не соответствовала воззрениям революционных демократов, содействуя возникновению среди передовых литераторов атмосферы недоверия по отношению к писателям. Плохое впечатление не смогли изгладить даже написанные им несколько позже бытовые рассказы /Село Сорокопояновка, Пенсильванцы и каролинцы, Левочка, Челюшка, Белый Яврушка/. Не слишком продуманное обращение к истории было причиной отхода автора от этой тематики. Только 17 лет спустя Данилевский возобвратился к ней, указывая уже, однако, не миткосердечным монархов, а мрачные стороны их правления / Напр., Мирдович, Нагна Параванова, Последние заповещи / и вооруженные планы подпресивных преставителей народа /1825 год, Секретная Москва/.

Печатация

- I Первоначально этот расказ был озаглавлен: Царь Алексей с соколом.
- 2 В.Г.Белинский, Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца. Часть I. /в:/ Полное собрание сочинений в 50-ти томах, Москва 1959, т. I, с. 290.
- 3 О.И.Петров, Русский исторический роман XIX века, Москва 1964; В. Кисляк, Косутка романист historyczna rękopisu z XVIII wieka XIX wieku, Орле 1976.
- 4 Л.П.Александрова, Особенности жанра русского исторического романа, Львов 1960, с. 3.
- 5 Л. Фейхтвангер, О смысле и бесемантизме исторического романа, "Литературный критик" 1935, № 9, с. 106-111. Лион Фейхтвангер /1884-1958/ - немецкий писатель, автор исторических романов /Безобразная герцогиня, Лиси в винограднике, Гойя, Удовольствие тулкан/ выступал против фашизма /Успех, Селья Опперман, Братья Лавтеняк/.
- 6 В. Осипович, Роман и история /Опыт сравнительно-типологического анализа/, /в:/ Пути и судьбы. Диалог братских литератур, Москва 1980, с. 155-188.
- 7 Г. Лукач, Исторический роман, "Литературный критик" 1937, № 7, 5, 12.
- 8 Н.А.Дорогова, Исторический роман в европейской литературе XIX века /к проблеме развития жанра/, /в:/ Проблемы прогрессивной литературы Западной Европы XVIII-XIX веков, "Ученые записки Пермского Государственного института", Пермь 1972, № 270, с. 65-97.
- 9 Эти термин употребляются в книге: Г. Вайлики, "Тулоґіа Зендквиста на 12е тудусі роіскеі ромісеі historyczneј, Краков 1973.
- 10 Осипович, Роман и история, "Вопросы литературы" 1973, № 8, с. 3-45.
- 11 Белинский, Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов, /в:/ Полное..., ор. сіт., т. VI, с. 245.
- 12 В дальнейшем эти заглавия выступают в тексте в сокращенном варианте: Первый выпуск, Царь в тереме, Экспедиция Делияка, Цитата датская по источнику: Г.П.Данилевский, Полное собрание сочинений в 24-х томах, С.-Петербург 1901 /с указаниями тома и страниц/.

- 13 Г. Вадулов, Historia Rosji, Wroslaw-Marzawa-Krakow-Swajsk 1975, s. 143-166, 215-238; K. Waliszewski, Katarzyna II, Poznań 1930.
- 14 Борис Иванович Морозов /1590-1661/ - боярин, воспитатель Алексея Михайловича, фактически глава правительства в 1645-1648 гг. Это финансовое реформы вызвали восстание 1648 г. Вып сослан, но потом получил разрешение вернуться в Москву и до конца 50-х гг. сохранил политическое влияние. Он надолго был выбором в царские жени фидии Револьвжской /1629-1657/, логичн путем доказал Алексею Михайловичу, что его будущая супруга скрывает от него какую болезнь, это привело к устранению Револьвжских, а затем к браку царя с царией имославской. Он сам женился на ее сестре Анне /эпистолический словарь под ред. К.К.Арденьева и Ф.Ф.Петрушевского, С.-Петербург 1892, т. VI, с. 387; т. XIX а, с. 873/.
- 15 Там же.
- 16 Владимир Лукич Боровиковский /1757-1825/ - русский и украинский живописец. Это портретам присущи черты сентиментализма, сочетание декоративной тонкости и изысканства рисков с легкой передачей характера /портрет П.И.Лопухиной/. С начала XIX века художник испытывает влияние классицизма /портрет А.Е.Куракина/. Был автором одних из первых в русских искусстве изобразительный крестьян /Алелюрия зина/. Холмогоров - старий боярский род, который исключительно значением пользовался при отце царя Алексея Михайловича - царь Михаиле Федоровиче /1596-1645/; Арсман Латвеев /1625-1682/ - боярин, приближенный царя Алексея Михайловича; Руководитель русской дипломатии; участник подавления восстания Ковского востаня 1662 г.; Иван Бувазов /1727-1797/ - русский государственный деятель, фаворит Екатерины II, генерал-адъютант; Александр Безбородко /1749-1799/ - талантливый русский дипломат, личный секретарь Екатерины II; Петр Эрпопки /1736-1805/ - русский генерал, который пользовался большой доверенностью Екатерины II; Петр Румянцева /1725-1796/ - русский полководец, генерал-фельдмаршал, губернатор Украины и главнокомандующий в русско-турецкой войне 1768-1774; Косиоф II /1741-1790/ - император "Священной Римской империи" с 1765 года; проводил политику т.н. прос-

вещного асопмитизма, стрелился увенчатель значение Австрия на международнои време, ИБ Дорогова, там же, с. 89.

Streszczenie

Grzegorz Danilewski /1829-1890/ należał w swej epoce do grupy niezwykle popularnych pisarzy rosyjskich. Smiały talent tego beletrysty najpełniej odzwierciedlenie znalazł w powiściach historycznych, które zostały poprzedzone trzema opowiadaniem dotyczącymi XVII- i XVIII-wiecznej przeszłości Rosji: Przewszy lot sokoła, Wieczór w terenie Aleksiego Michajłowicza, Katarzyna Wielka nad Dnieprem.

Młody autor nie miał jeszcze wówczas doświadczenia w zakresie prozy historycznej, a utwory te powstały w okresie kryzysu gatunku, przeżywanego infiltrację jego tkanki treściami społeczno-psychologicznymi i szablonego wykorzystywania walterskotowskiej zasady łączenia losów "zwykłego" bohatera z wydarzeniami przeszłości. Pisarz kuczowo trzymał się rzeczywistych faktów, porostając jednakże tylko na kulisach prywatnego życia monarchów i rezygnując z szerszych uogólnień artystycznych. W rezultacie bohaterowie, którzy w wiąższości są realnymi postaciami historycznymi, stwarzają wrażenie pozbowianych życia figur, przesuwanych przez autora na szachownicy dziejów. Intencją twórcy było uzasadnienie tezy o niezwykłej dobroci i sprawiedliwości rosyjskich władców w minionych czasach. Starał się on wypunktować ich zainteresowanie prostym ludem, który nie znalazł jednak na kartach tych opowiadań należytego odzwierciedlenia.

Wykorzystując zaimitowanie czytelników do lektur historycznych, pisarz chciał w przededniu reformy umiarszczeniowej zwiększyć tym sposobem popularność oddgórnych postulatów. Założenie to, pozostające w sprzeczności z poglądami rewolucyjnych demokratów, przyczyniło się do wytworzenia wśród postępowych twórców atmosfery nieufności wokół pisarza. Możliwość naprawy literackiej reputacji dostarczył on w powrocie do tematyki współczesnej, a historia znów znalazła swój artystyczny wyraz na kartach powieści Danilewskiego dopiero po 17 latach. Były to już jednak utwory nie o dobroci-nych monarchach, lecz o ciemnych stronach ich panowania i zbrojnych zrywach postępowych przedstawicieli narodu /Mirowicz, Księżniczka Terakonowa, Spalona Moskwa, Rok 1825/.

Lubelskie Materialy Neofilologiczne — 1987

Jan Mizdaki

Abschled von der Monarchie. Joseph Roth und Jaroslav Hašek

"Der zornige Pessimismus, die heitere Erbitterung, die revolutionäre Ironie gegen ein Schlokal, das dort Gesellschaft, hier Gott hies und die beide vielleicht stärker als ein Individuum sind, die es vielleicht zerbrechen, aber nicht ändern können, diese ganze wunderbare Klarheit eines Kannes, der alles gesehen, alles gespürt, alles in seiner Welt verworfen hat, und nicht gesonnen ist, mit dieser Welt zu paktieren, dieselbe tapere Verzweiflung und derselbe vernünftige Mut, in einer unvernünftigen Welt vernünftig bleiben zu wollen, prägen die Art aller Romane Roths".¹ So schrieb Hermann Kesten 1931 über den Autor des "Radetzkymarsches", der sieben Jahre später in Paris verinsamt und verzweifelt sterben sollte. Der "zornige Pessimismus" und die "heitere Erbitterung" sind vor allem Merkmale derjenigen seiner Romane, in denen der nabende Untergang der österreichisch-ungarischen Konarchie reflektiert wird, die man stellvertretend für die gesamte alte, heile Welt der einstigen Werte betrachten kann, mit der im Kriege aller gegen alle die Menschheit selbst zugrunde geht. Vor allem der Roman "Radetzkymarsch" ist ein solcher verzweifelter Abschled von der Wirklichkeit, die noch feste Anhaltspunkte bot, die aber ein für allemal vergeht. Die Geschichte der slowenisch-österreichischen Familie Trotta, deren letzter Vertreter in den letzten Jahren des Vielvölkerstaates lebt, mit ihm fühlt und mit ihm zugrunde geht, bildet das stoffliche Geflecht, die ballettistische Kulisse, vor der sich das Schicksal der alten Monarchie und der gesamten Epoche vollendet.